

Михеева Татьяна

ШАГ С ПОМЕТКОЙ
"ВМЕСТЕ"

18+

Татьяна Михеева

Шаг с пометкой «Вместе»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72052540

SelfPub; 2025

Аннотация

Она – бариста в кафе. Он – мастер по ремонту обуви. Их встреча начинается с простого визита в мастерскую, но заканчивается совершенно неожиданно...

Случайные встречи оказываются неслучайными. Чувства, которые невозможно контролировать.

Любовь может найти путь даже через самые узкие щели между нашими повседневными заботами. Что иногда именно тот, кого мы меньше всего ожидаем встретить, оказывается нашей судьбой.

Готовы поверить в чудеса?

Содержание

ПРОЛОГ	4
ХЛОЯ	7
МАРК	21
ХЛОЯ	37
МАРК	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Татьяна Михеева

Шаг с пометкой "Вместе"

ПРОЛОГ

В маленьком уютном кафе на окраине города каждое утро начиналось одинаково. Солнечные лучи пробивались сквозь кружевные занавески, пахло свежесваренным кофе и выпечкой, а за стойкой с неизменной улыбкой встречала гостей Хлоя Картер.

Три года Хлоя работала в этом кафе, помогая дяде Джону сохранять семейное дело. Светлые волосы, аккуратно уложенные в причёску, мягкими волнами спадали на плечи, а голубые глаза светились теплом и искренностью. Посетители любили ее – не только за мастерство приготовления кофе, но и за способность создать атмосферу домашнего уюта.

Хлоя знала наизусть все их предпочтения: мистер Смит каждое утро заказывал латте с карамелью, миссис Браун – зеленый чай с мятой, а юная Эмили, студентка местного колледжа, неизменно просила двойной эспresso перед занятиями. Для каждого у нее находилось доброе слово и улыбка, которая, казалось, никогда не покидала ее лица.

За эти годы кафе стало для нее вторым домом. Здесь она научилась не только готовить идеальный капучино, но и раз-

бираться в людях, находить общий язык с самыми разными гостями, а главное – поняла, что счастье не всегда измеряется громкими достижениями и карьерными взлетами. Иногда оно кроется в простых вещах: в аромате свежеиспеченного хлеба, в искренней благодарности гостя и в теплом взгляде человека, которому ты делаешь день чуточку лучше.

Но даже в самом уютном уголке мира не избежать перемен. В то утро, когда Хлоя, как всегда, завязывала фартук и поправляла выбившиеся пряди, она даже не догадывалась, что судьба готовит для неё неожиданный поворот.

ХЛОЯ

Родилась и выросла в этом городе, где каждый уголок был знаком с детства. Наша семья всегда жила скромно, но счастливо. Мама работала учительницей в местной школе, а отец был художником-оформителем. Они привили мне любовь к простым радостям жизни и научили ценить искренность в отношениях.

После школы я долго не могла определиться с выбором профессии. Хотела быть и врачом, и писателем, и даже путешественницей. Помню, как часами сидела в своей комнате, перебирая стопки книг о разных профессиях, пытаюсь найти своё призвание.

В итоге судьба привела меня в кафе к дяде Джону, где я неожиданно нашла себя. Работа с людьми, создание уютной атмосферы, возможность каждый день делать чью-то жизнь немного лучше – всё это оказалось именно тем, что я искала.

В свободное время я люблю гулять по парку, читать старые книги и экспериментировать с новыми кофейными рецептами. У меня есть небольшая коллекция винтажных заколок, собранных на блошиных рынках. Каждая из них – как маленькая история: вот эта с эмалевым цветком принадлежала, наверное, юной девушке начала века, а та, с изящной бабочкой, могла украшать причёску актрисы двадцатых годов.

На чердаке моего дома есть тайный уголок, спрятанный за старыми коробками. Там хранятся мои детские рисунки – неуклюжие, но полные искренности попытки запечатлеть мир вокруг. Особенно дороги мне письма от Кристины, когда мы ещё учились в школе. Они пожелтели от времени, но каждая строчка в них дышит юношеским максимализмом и мечтами о великом будущем.

Я всегда верила, что жизнь – это череда маленьких чудес. Каждое утро в кафе начиналось одинаково: тёплый свет ламп, аромат свежемолотого кофе, первые лучи солнца, пробивающиеся сквозь кружевные занавески... И каждый день приносил новые истории: кто-то приходил поделиться радостью, кто-то искал утешения, а кто-то просто хотел ненадолго укрыться от городской суеты в нашем маленьком оазисе спокойствия.

В моей жизни было немало перемен, но кафе всегда оставалось островком стабильности. Здесь я научилась не только готовить идеальный капучино, но и читать между строк, понимать людей без слов, чувствовать настроение каждого гостя. Я поняла, что счастье не всегда измеряется громкими достижениями и карьерными взлётами. Иногда оно кроется в простых вещах: в искренней благодарности гостя, в тёплой улыбке случайного знакомого, в том, как утренний свет играет в крутом молоке свежеприготовленного латте.

Но даже в самой размеренной жизни случаются повороты, которые меняют всё. И этот сентябрьский день оказал-

ся именно таким — днём, когда моя спокойная гавань начала штормить, открывая новые горизонты и возможности, о которых я даже не подозревала. День, когда судьба преподнесла мне неожиданный подарок, заставив переосмыслить всё, во что я верила, и открыть для себя мир, о существовании которого я не подозревала...

В этот вечер, когда посетителей было немного, я коротала время за просмотром ленты в телефоне. Внезапный грохот заставил меня поднять голову — в кафе влетела Кристина, запыхавшаяся, но сияющая. Её волосы, обычно собранные в небрежный хвост, сегодня были уложены в элегантную причёску, а на пальце блестело помолвочное кольцо.

– Ну что, скучала? – её голос, тёплый и игривый, прокатился по мне, как солнечный зайчик, а руки обвили мои плечи с привычной лёгкостью.

Я отстранилась на шаг, чтобы разглядеть её – и не смогла сдержать улыбки.

– Какими ветрами? Или, если точнее, какими судьбами в наше захолустье? – потянула носом воздух, улавливая тонкие ноты жасмина и чего-то сладкого – её фирменный коктейль из духов, который я бы узнала даже в крошечной тьме.

Она рассмеялась – звонко, беззаботно, так, что у меня мурашки побежали по спине.

– Без меня-то ты как? Не разучилась ещё смеяться? Или тут все твои посетители только и делают, что поднимают тебе настроение? – её пальцы щекоотливно прошлись по моему ребру, и я фыркнула, отбивая атаку.

Но потом присмотрелась внимательнее – и замерла.

Боже, она сияла. Не просто улыбалась, а будто изнутри подсвечивалась тёплым золотистым светом. Виктор явно не просто так появился в её жизни.

– Значит, свадьба? – я приподняла бровь, принимая конверт с тиснёнными буквами. – А я-то думала, вы оба – люди рациональные, обойдётесь росписью и бутылкой шампанского в кругу трёх свидетелей.

Она хищно сверкнула глазами и положила ладонь на ещё едва заметный изгиб живота.

– Моя мать уже заказала себе платье «матери невесты» в трёх экземплярах. И, как видишь, у меня теперь есть железный аргумент против любого «да зачем вам эта показуха?»

Два месяца.

Целых два месяца мы не виделись – а казалось, будто вчера пили кофе на её кухне, споря, кто из нас больше трусиха перед ЗАГСом.

– Так что, подружка? – она ткнула меня конвертом в грудь. – Готова на подвиги? Потому что от тебя требуется:

а) не спалить мой секрет раньше времени;

б) не дать мне передумать насчёт розовых фонариков, и...

– тут её голос снизился до шепота.

в) желательно найти мне хоть одного симпатичного холостого гостя.

Я рассмеялась, хватая её за руки:

– О боже, ты неисправима! – но конверт уже застревал у меня в сумке. Где-то между помадой и блокнотом. Ровно там, где и положено хранить приглашения на самое безумное приключение под названием «свадьба лучшей подруги».

Приглашение было трогательным:

«Дорогие друзья! С огромной радостью и трепетом мы, Кристина и Виктор, приглашаем вас разделить с нами самый важный и счастливый день в нашей жизни – день рождения нашей семьи! 20 ноября мы станем мужем и женой, и нам очень хочется, чтобы именно вы стали свидетелями этого чудесного момента. Будем

безмерно счастливы видеть вас на нашем торжестве и разделить с вами радость начала новой главы нашей жизни!

С любовью, Кристина и Виктор

Р.С. Ваше присутствие сделает этот день по-настоящему особенным для нас!»

После ухода подруги я погрузилась в подготовку. Дядя Джо, который недавно восстановился после аварии, с пониманием отнесся к моей просьбе о выходном.

– Конечно, Хлоя, – улыбнулся он, поправляя очки.

Дома я начала перебирать гардероб в поисках подходящего платья. Мои любимые туфли на невысоком каблуке, которые я так часто носила, подвели – один каблук отвалился прямо во время примерки.

– Черт. Придется искать ближайший ремонт обуви.

На карте города мне было представлено три мастерских. Решаю сходить завтра в ближайшую.

23:17. Я выключаю свет.

Последнее, что я вижу перед тем, как погрузиться в темноту – это отблеск уличного фонаря на потолке. Он рисует бледно-желтый прямоугольник, словно кто-то забыл закрыть дверь в другой мир. Я зажмуриваюсь.

День был долгим. Слишком долгим. Но теперь он больше не имеет значения.

Я привыкла засыпать так: сначала – глубокий вдох, будто ныряешь. Потом – медленный выдох, и вместе с ним отпус-

каешь все, что не успело разрешиться. Мысли, слова, неловкие паузы, неотправленные сообщения. Они тонут в тишине, как песок сквозь пальцы.

Я поворачиваюсь на бок, подтягиваю колени к груди. Поза эмбриона – смешно, но только так я чувствую себя в безопасности. Шелк пижамы холодный на ощупь, простыня чуть шершавая. За окном кто-то кричит, смеется, потом звук шагов растворяется вдали.

Я уже почти там, на грани.

Последняя осознанная мысль: *«Завтра будет лучше»*.

А потом – ничего.

Только сон, густой и беспросветный, будто падение в тёмный колодезь.

Я не сопротивлялась.

Утром меня разбудил Ричард. Он был, как всегда, очарователен и голоден.

– Привет, Ричард. Как тебе спалось? – погладила я его мягкую шёрстку, направляясь на кухню.

В такие дни, когда погода не радовала – конец сентября, холодный ветер, – я особенно любила свои прогулки. Надев тёплое пальто и завязав шарф по самые уши, отправлялась бродить по городу, наслаждаясь его осенней красотой. Светлые волосы приходилось собирать в тугий пучок, чтобы они не разлетались от ветра, а в руках я держала любимую сумку с винтажной фурнитурой, которую сама реставрировала.

Мои маршруты всегда проходили через старинные улоч-

ки, где притаились маленькие антикварные магазинчики. Их витрины манили меня своими сокровищами: тут старинная фарфоровая чашка, там – пожелтевшая фотография начала века, а вот и то, что я особенно люблю – винтажные заколки. Каждая такая находка – как маленькое приключение. Однажды я провела почти час, рассматривая коллекцию брошей, пытаюсь представить, какие истории они могли бы рассказать, если бы умели говорить.

В этих магазинчиках время словно останавливается. Хозяева, как правило, люди особенные – они знают историю каждой вещи, могут часами рассказывать о том, как менялся стиль, мода, вкусы. Я люблю слушать эти истории, представлять прежних владельцев, гадать, какие события могли быть связаны с той или иной вещью.

Во время таких прогулок я часто останавливаюсь в маленьких кофейнях, чтобы согреться горячим чаем или кофе. Наблюдаю за людьми, слушаю их разговоры, подмечаю детали – как они сидят, что заказывают, о чём говорят. Это помогает мне лучше понимать людей в нашем кафе, находить с ними общий язык.

А ещё я люблю фотографировать город в это время года – как листья кружатся в воздухе, как солнечные лучи пробиваются сквозь тучи, создавая причудливые узоры на асфальте. Эти снимки я потом распечатываю и развешиваю в кафе, создавая особую атмосферу уюта и тепла.

В такие моменты я особенно остро чувствую связь вре-

мён. Позже я все-таки отправилась куда и планировала.

Небольшая мастерская находилась в подвале торгового центра. Когда я вошла, молодой мастер с пронзительными карими глазами и небрежной двухдневной щетиной поднял голову от своего рабочего места. Его жилистые, покрытые мелкими царапинами руки с ловкостью хирурга продолжали осматривать мои туфли, аккуратно ощупывая каждый сантиметр кожи.

В мастерской было тихо и уютно, приглушённый свет лампы создавал атмосферу тепла, а воздух пропитал запах кожи и обувного крема. На фоне тихо играла джазовая мелодия, придавая моменту особое очарование.

В углу мастерской виднелись аккуратно расставленные инструменты, отполированные до зеркального блеска. Каждая отвёртка, каждый молоточек лежали на своих местах, будто солдаты на параде.

Это упорядоченное совершенство невольно заставило меня задуматься – насколько же разными бывают люди. В моей сумке царил привычный творческий хаос, а здесь каждый предмет излучал почти фанатичную преданность своему делу.

«Интересно, он и в жизни такой же педантичный?» – промелькнула мысль, пока я наблюдала, как его пальцы, покрытые тонкой паутиной шрамов – немymi свидетельствами многолетнего ремесла, – бережно ощупывали повреждённый каблук.

– Тут требуется замена каблуков. Второй принесли? – его голос прозвучал неожиданно мягко для таких рабочих рук.

Когда наши пальцы случайно соприкоснулись при передаче туфли, по моей спине пробежал электрический разряд. Это было смешно – мне двадцать семь лет, а я краснею как первокурсница на первом свидании! Но тело будто вышло из-под контроля: щёки горели, ладони внезапно вспотели, а в груди поселилась странная тревожная радость, похожая на

предвкушение перед аттракционом.

Я украдкой изучала его профиль при свете лампы – прямой нос с едва заметной горбинкой, тёмные ресницы, отбрасывающие тени на скулы, упрямый подбородок с ямочкой. Совсем не модель с обложки, но в этом было какое-то облегчение. Совершенство всегда пугало своей недоступностью.

«Боже, что со мной? Это же просто мастер по ремонту обуви!» – я мысленно корила себя, но сердце продолжало выбивать ритм самбы. Особенно когда он поднял глаза – карие, с золотистыми вкраплениями вокруг зрачков, словно осенние листья в лесном ручье. В них читалось профессиональное внимание, но в глубине таилось что-то ещё...

Любопытство? Или мне просто хотелось в это верить?

Внезапно я осознала, что задержала дыхание. Выдох получился неровным, почти дрожащим. Чтобы скрыть смущение, я начала лихорадочно рыться в сумке, делая вид, что ищу телефон.

– Продиктуйте, пожалуйста, Фамилию, Имя и номер телефона, – его слова вернули меня в реальность.

– Хлоя Картер, – мой голос прозвучал неестественно высоко. Я внутренне скривилась – неужели он не заметит, как я нервничаю?

Когда дверь мастерской закрылась за мной, я прислонилась к прохладной стене, пытаюсь унять дрожь в коленях.

«Это просто гормоны», – убеждала я себя. — *«Просто давно не было... никого».*

Но где-то в глубине души уже росло опасное знание – мне захотелось увидеть его снова. Не только из-за туфель.

Лёгкий ветерок играл оборками моего нового платья, когда я брела по парковым дорожкам. Но даже красота осеннего увядания не могла полностью вытеснить из головы тот странный момент в мастерской. Я ловила себя на том, что представляю, как бы описал эти краски он. Какими словами?

Внезапно я рассмеялась сама над собой – придумывать фразы для незнакомца! Это было глупо, по-девичьи наивно... и удивительно приятно. Как возвращение в те времена, когда мир ещё полнился возможностями, а не обязанностями.

МАРК

С самого детства я наблюдал, как мой отец творит настоящие чудеса с обувью в нашей небольшой мастерской на цокольном этаже. Внутри пахло кожей, клеем и машинным маслом – запах, который до сих пор возвращает меня в те беззаботные дни.

«Как же я любил эти субботние утра, когда солнце едва пробивалось сквозь маленькое подвальное окошко, а отец уже раскладывал инструменты...»

В те далёкие времена отец часто брал меня с собой. Пока он колдовал над очередной парой ботинок, я увлечённо рисовал на обрезках кожи причудливые узоры, используя старые заточенные иглы вместо карандашей. Деревянный прилавок, покрытый множеством царапин, служил мне мольбертом, а старый кожаный диван в углу был моим любимым местом для отдыха между «рабочими сменами».

– Марк, смотри внимательно, как я делаю шов, – говорил отец, склонившись над очередной парой обуви. Его руки двигались уверенно и плавно, словно сами знали, что делать.

– А можно я попробую? – нетерпеливо спрашивал я, подаваясь вперёд.

– Ещё рано, сынок. Нужно сначала научиться правильно держать иглу, – отвечал он, улыбаясь.

«Почему «ещё рано?» Я же уже большой!» – в отчаянии думал я тогда, не понимая, что настоящему мастерству нужно время.

Со временем отец начал доверять мне более серьёзные задачи. Я с гордостью помогал прошивать подошвы на старой швейной машинке, которая до сих пор работает в моей мастерской, и подкрашивать стёртые каблуки специальной краской, источавшей характерный сладковатый запах. Помню, как важно было не капнуть краской на пол – отец всегда следил за чистотой.

«Точность – главное в нашей работе», – учил он меня, показывая, как ровно наносить краску.

– А если я ошибусь? – спрашивал я, затаив дыхание.

«Ошибки – это часть обучения. Главное – научиться их исправлять», – отвечал отец, передавая мне маленькую кисточку.

После школы я регулярно заходил в мастерскую, чтобы помочь отцу. Мне всегда нравилось возиться с обувью, и постепенно я освоил искусство работы с кожей. Помимо основ-

ного дела, я начал создавать изделия на заказ: стильные ремни с фирменной металлической фурнитурой, элегантные кошельки из мягкой телячьей кожи и другие аксессуары, которые пользовались большим спросом у местных жителей.

– Видишь, сынок, ты не просто продолжаешь семейное дело – ты его развиваешь, – с гордостью говорил отец, рассматривая мои первые кошельки.

– Я хочу, чтобы наша мастерская стала лучшей в городе, – отвечал я, затачивая новые иглы для работы.

«Главное – не забывай о качестве. Хорошая работа говорит сама за себя», – эти слова я запомнил на всю жизнь.

Так, шаг за шагом, под чутким руководством отца я становился настоящим мастером своего дела, перенимая не только технические навыки, но и особое отношение к работе.

Позднее я начал экспериментировать с разными видами кожи, придумывать новые дизайны. Однажды я создал коллекцию ремней с необычными пряжками, которые сам отливал в небольшой мастерской.

– Это что-то новое, – задумчиво сказал отец, рассматривая мои работы. – Но мне нравится. Молодёжь оценит.

С того времени запах кожи и клея до сих пор напоминает мне о тех счастливых днях, когда мы с отцом вместе творили чудеса в нашей маленькой мастерской.

Полтора года назад отца не стало, и я унаследовал не только мастерскую, но и его бесценный опыт. Каждый день, работая в том же самом закутке, я испытываю щемящую но-

стальгию.

«Что бы сказал папа, увидев, как я справляюсь один?»

Мой профессионализм и природное обаяние привлекают клиентов, словно магнит. Работы всегда хватает, чтобы оплачивать аренду и вести достойную жизнь. Это не просто работа – это любимое дело, хотя порой и утомительное.

Филипп Валерьевич, 60-летний кандидат наук, снова заглянул ко мне. Его старомодные очки в тонкой металлической оправе блеснули в свете лампы.

– Здравствуй, Маркуша.

– Здравствуйте, Филипп Валерьевич. Чем могу помочь?

Он протянул мне чёрный кожаный ремень с интересным тиснением, выполненным в виде переплетающихся линий.

– Видишь, нужно сделать дополнительное отверстие. Купил вчера в магазине, а он великоват. Поможешь?

Через десять минут я вернул ему готовый ремень. Его улыбка, полная морщинок, выдавала возраст. Филипп Валерьевич преподавал высшую математику в нашем университете. В студенческие годы я часто прогуливал его занятия, за что регулярно получал нагоняй от отца – они были лучшими друзьями.

За Филиппом зашёл мой знакомый. Денис, вечно энергичный парень с растрёпанными волосами.

– Братан, привет. Глянь, что с кроссовками.

Подошва была порвана по шву, а на боковой части виднелись следы травы и грязи – явные свидетельства футбольно-

го матча.

– Что на этот раз? – вздохнул я, осматривая повреждения.

– Да с пацанами решили сыграть в футбол с подростками.

Не рассчитал и сильно пнул мяч.

– Попробую что-нибудь придумать, но не обещаю, – предупредил я, уже представляя объём работы.

К счастью, мне удалось спасти кроссовки, используя специальный клей и заплатку из прочной ткани. Денис, счастливый, протянул мне деньги и убежал, на ходу зашнуровывая отремонтированную обувь.

Тишина.

Именно так я любил эти предрассветные часы в мастерской. Кофе из старой турецкой турки (три ложки сахара, как делал отец) оставлял сладкие подтёки. Я методично протираю верстак, сметая кожаную стружку – ритуал, повторяемый ровно 1,478 раз за шесть лет работы. Даже трещина на потолке, которую я каждый день замечал в 6:23 утра, казалась частью этого отлаженного механизма жизни.

Щелчок.

Стрелка часов перепрыгнула на очередную минуту.

Шорох.

Бумажный пакет с круассаном из булочной на углу.

Звон.

Ложка о край фарфоровой кружки – ровно три помешивания против часовой стрелки. Я уже протянул руку к журналу с заказами, где аккуратным столбиком выстроились фа-

милиии клиентов на сегодня...

Когда дверь сорвалась с петель.

– У вас... – её голос перебил скрип качелей за окном, – ...ремонтируют туфли?

Я замер с тряпкой в руке, глядя на коричневое пятно, ползущее по списку клиентов. Всё, что осталось от моего безупречного утра.

Она влетела в мастерскую, как внезапный порыв осеннего ветра, сбивающего листья с деревьев. Светлые волосы, слегка влажные от дождя, выбивались из-под шарфа, а на щеках играл румянец от прохлады. В руках – дорогие туфли с оторванным каблуком, явно пострадавшие от непогоды.

Интересно, откуда она? И почему такие туфли доверила нашей скромной мастерской?

Взяв их, стараясь не задерживать взгляд на её тонких пальцах, покрасневших от холода. Заполнил бланк, кивнул:

– Я вам позвоню, когда всё будет готово.

В наличии у меня таких каблучков точно не было. Нужно съездить к поставщику.

– Хорошо, спасибо.

Она улыбнулась – быстро, словно случайный луч солнца сквозь осенние тучи – и вышла, оставив после себя лёгкий шлейф духов, смешанный с запахом мокрой листвы.

Конец сентября. Вечер наступал рано, и по дороге из мастерской я кутался в пальто, поднимая воротник против про-

низывающего ветра.

В голове крутился один вопрос: *Кто она?*

Улицы были усыпаны жёлтыми листьями, они шуршали под ногами, цепляясь за подошвы. Я шёл не спеша, курил, наблюдая, как в лужах отражаются огни фонарей. Воздух пах дождём, древесной корой и чем-то горьковатым – осенью всегда так.

На перекрёстке остановился, затянулся. Где-то вдалеке прогремел гром – небо снова нахмурилось.

На следующий день я решил заняться подбором каблучков для особенного заказа. Семь сантиметров – магическая высота. Достаточно, чтобы изменить походку, но не превратить шаг в мучение. Я всегда считал, что хорошая обувь – это как удачный брак: должна быть красивой, но не в ущерб удобству.

«Вот почему я ненавижу шпильки», – подумал я, перебирая образцы». Они как токсичные отношения – выглядят эффектно, но заставляют страдать обе стороны».

Требовались туфли на изящном каблучке – не слишком высокие, но именно такие, что придают женской походке особую элегантность. Я представлял, как они будут выглядеть на Хлое: её лодыжка изящно изогнется, вес плавно перенесётся с пятки на носок...

«Странно, как пара кусочков кожи и пластика может изменить восприятие всего тела», – размышлял я, проверяя образцы на устойчивость.

«Каблук – это оптический обман, архитектурный трюк, заставляющий видеть ногу длиннее, а фигуру – стройнее».

Учитывая, что бежевые каблуки всегда в наличии у поставщика, я был уверен в успехе предприятия. Но всё же сомневался – подойдёт ли стандартный оттенок к этому особому заказу? Кожа имела сложный под тон – не просто бежевый, а с лёгким розоватым отливом, как внутренняя сторона раковины.

Выкроив время между ремонтом потертых ботинок банковского клерка и перетяжкой диванного сиденья для старой дамы с пятого этажа, я отправился на базу.

Знакомый до мелочей склад встретил меня целой симфонией запахов: горьковатый аромат свежесрезанной кожи, сладковатый дух консервирующей пропитки, едкая нота краски для подошв. Шорох упаковочной бумаги под ногами напоминал осенние листья в парке – тот же сухой, трескучий звук.

Сергей Петрович, хозяин базы, встретил меня как всегда радушно:

– Марк, сынок! Давненько не заглядывал – его голос, хриплый от сорокалетнего стажа курения, разносился по всему складу. – Опять за своим любимым «девчачьим» каблуком?

Я усмехнулся, проводя пальцем по образцу:

– Не просто каблук, Сергей Петрович. Это фундамент женской уверенности. Вы когда-нибудь замечали, как меня-

ется женщина, когда обувает «те самые» туфли?

Старик хитро подмигнул, доставая коробку с новыми образцами:

– Заметил. Особенно когда они потом эти туфли снимают...

Пока Сергей Петрович собирал заказ, мы разговорились о старых временах. Мы знакомы уже много лет – ещё со времён, когда он работал с моим отцом. Именно поэтому я доверяю качеству материалов и всегда выбираю его базу.

– Как там мастерская? – спросил он, выкладывая на прилавок коробки с фурнитурой.

– Всё хорошо, потихоньку развивается, – ответил я, перебирая молнии. – Клиенты довольны, заказы интересные поступают.

– Рад за тебя, Марк. Твой отец гордился бы тобой, – сказал он, упаковывая каблуки.

«Если бы он действительно мог видеть, как я стараюсь...»

Процедура подбора заняла совсем немного времени – профессионализм не пропьёшь. Хотя, глядя на трясущиеся руки Сергея Петровича, я подумал, что кто-то явно пытается это оспорить.

Старик налил себе стопку еще до полудня – «для суставов», как он объяснил. Я лишь покачал головой, вспоминая отцовские слова:

«Ремесло либо возвышает человека, либо становится его могильщиком».

Распрощавшись с Сергеем Петровичем (и незаметно убрав бутылку под прилавок), я отправился обратно в мастерскую, довольный удачным приобретением.

По дороге ловил себя на том, что постукиваю коробкой с

каблуками по бедру в такт шагам. Ритм напомнил мне детскую игру – стучать палкой по чугунным решеткам, слушая, как гул разносится по всему двору.

Вернувшись, я обнаружил, что за время моего отсутствия накопилось немало работы. На столе лежала записка от Филиппа Валерьевича:

«Маркуша, ботинки для внука – к пятнице!»

Рядом аккуратно стояли потрепанные «берцы», явно прошедшие через все дворовые войны района.

День обещал быть насыщенным, и я не ошибся.

Только к вечеру, когда солнечные лучи уже превратились в янтарные полосы на запыленном полу, расправившись с текущими заказами, я смог приступить к работе над туфельками светловолосой незнакомки.

Они оказались удивительно маленькими – 36-й размер. Берешь в руки и кажется, будто держишь не обувь, а какой-то хрупкий артефакт. В голове невольно возникла картина: как эти изящные туфельки смотрятся на стройной женской ножке. Я даже прикрыл глаза на мгновение, представляя, как кожа чуть растянется при первом надевании, приняв форму ее ступни...

После замены каблуков произошло чудо преображения. Туфли заиграли новыми красками – бежевый каблук идеально сочетался с оттенком кожи, как будто они всегда были вместе. Финальные штрихи в виде свежих набоек завершили метаморфозу. Я повертел их в руках, любуясь работой.

«Вот и встретимся снова», – подумал я, аккуратно упаковывая их в ту самую коричневую коробку.

Теперь оставалось только позвонить заказчице и договориться о встрече – пусть заберёт свою обновку.

Мой палец замер над кнопкой вызова. Странное чувство – будто возвращаешь чужое дитя после долгой разлуки.

Уверен, она останется довольна результатом. А если нет... Нет, такого быть не могло.

Ведь хороший мастер не просто чинит обувь – он возвращает ей душу.

Так проходит каждый мой день – в заботе о чужой обуви, в запахе кожи и клея, в ожидании новых встреч и историй, которые приносят мои клиенты. Мастерская стала не просто местом работы – она превратилась в часть моей жизни, связывая прошлое с настоящим и обещая интересное будущее.

«Папа, я стараюсь. Каждый день. Надеюсь, ты видишь...»

По вечерам, когда мастерская наконец-то закрывается и я могу выдохнуть после насыщенного дня с туфлями, каблуками и капризными клиентами, начинается моя вторая жизнь.

Да-да, та самая, виртуальная!

Устраиваюсь поудобнее, наливаю чашку любимого кофе и открываю ноутбук.

– Ну что, кто сегодня будет моим идеальным партнёром? – задаю я риторический вопрос потолку, который уже привык к моим вечерним монологам.

Начинается самое интересное – скроллинг профилей.

“Ищу серьёзных отношений”, “Люблю путешествия и собак”, “Обожаю готовить и жду того самого” – читаю я, параллельно думая о том, как бы я оценил эти туфли, если бы они попали ко мне на ремонт.

Иногда ловлю себя на мысли, что подбираю девушкам обувь в их профилях.

“О, эта явно носит шпильки выше 10 см – слишком много пафоса в описании”, “А эта, наверное, предпочитает удобные балетки – слишком много смайликов и сердечек”.

В диалогах я стараюсь быть оригинальным:

“Привет! А ты знаешь, что идеальная пара – это как идеально подогнанный каблук? Ни большие, ни меньшие!”

Обычно в ответ тишина... Видимо, не все понимают мои профессиональные шутки.

Иногда переписываюсь с девушками, которые тоже работают с руками – массажистки, мастера маникюра. С ними можно обсудить что-то кроме погоды и работы:

“Знаешь, как я понимаю, когда обувь изношена? Так же, как ты чувствуешь, когда клиенту нужен релакс-массаж!”

А бывает, что среди ночи просыпаюсь с мыслью:

“А вдруг она всё ещё онлайн? Вдруг ответит?”

И вот я уже в третий раз редактирую своё сообщение, пытаясь сделать его более романтичным, чем инструкция по замене набоек.

В такие моменты особенно ценю контраст между моей ре-

альной работой, где всё чётко и понятно (каблук либо стоит, либо нет), и виртуальной жизнью, где всё так туманно и неопределённо.

Но что поделать – даже сапожнику иногда хочется найти свою идеальную пару! Не в смысле обуви, а в смысле жизни... Хотя, если честно, с обувью у меня получается лучше.

И знаете что? Может, именно сегодня я наконец-то найду ту самую, которая оценит мои профессиональные шутки и не убежит в ужасе, когда я сравню её с идеально подогнутой парой туфель?

А пока – продолжаем поиски! В конце концов, если я научился спасать разбитые туфли, может, и с разбитым сердцем справлюсь?

ХЛОЯ

Лежу в постели, уставившись в потолок. Два часа ночи, а сон как рукой сняло. После той истории с Томом прошло уже несколько месяцев, но раны в душе все еще кровоточат. Пытаюсь начать новую жизнь, но старые воспоминания упорно преследуют меня.

Особенно ночью.

Вот он, прижимает меня к стене в прихожей. Запах его кожи – дорогой парфюм с нотками бергамота и что-то неуловимо свое, только его – смешивается с ароматом моего шампуня. Его пальцы впиваются в мои бедра, оставляя легкие синяки, которые я потом буду скрывать под юбками. «Ты так пахнешь... – шепчет он, целуя меня под ухом, – как будто ты создана, чтобы сводить меня с ума».

Вот мы в ванной. Пар застилает зеркала, превращая комнату в дымчатый кокон. Он приподнимает меня на раковину – мрамор холодный под голой кожей, но его тело обжигает. Вода стекает по его спине, и я провожу языком по солоноватой капле, застрявшей в ямочке над ключицей. Он стонет, хватая меня за волосы, и я чувствую, как его сердце бьется – бешено, как после пробежки.

Вот его голос в темноте. «*Не спишь?*» – и его рука скользит под футболку, которую я когда-то украла из его шкафа. Ладонь шершавая от работы в спортзале, но нежность в каж-

дом движения сводит меня с ума. Мы не говорим ни слова – только дыхание, прерывистое и горячее, и шелест простыней.

А потом *утро*. Он варит кофе в той смешной синей кружке, которую я подарила ему на день рождения, и делает тосты – всегда пережаривает, но я ем, смеясь. Солнце ложится на его плечи золотыми пятнами, и я думаю: «*Это навсегда*».

Но теперь *постель холодная*. Его подушка больше не пахнет им, а телефон молчит. Я включаю телевизор для фона, но даже белый шум не заглушает тишину.

Иногда мне кажется, что если я зажмурюсь достаточно сильно, то услышу его смех за дверью. Но когда я открываю глаза – *в квартире только эхо*.

Вздыхаю и тянусь к телефону. Экран освещает комнату голубоватым светом. “*Может, пора попробовать что-то новое?*” – спрашиваю себя, открывая приложение для знакомств.

На экране мелькают профили – улыбающиеся лица, короткие описания, фотографии. “*Ищу искреннюю любовь*”, “*Готов к серьезным отношениям*”, “*Не люблю пустые разговоры*”. Невольно усмехаюсь – как много обещаний, как мало искренности.

Листаю профили, отмечая про себя:

“*Слишком молод*”, “*Слишком стар*”, “*Слишком серьезный*”, “*Слишком легкомысленный*”.

Но чем дольше смотрю, тем больше понимаю – никто из

них не вызывает во мне даже искры интереса.

Внезапно на экране появляется профиль с фотографией мужчины. Это же мастер по ремонту.

“Я умею слушать – и не только обувь! У меня всегда есть пара запасных стелек для душевных разговоров, и я точно знаю, как правильно “подогнать” отношения под размер вашей души.” – гласит подпись.

А он забавный и по всему одинокий.

“Может, написать ему?” – мелькает мысль. Но прежде чем я успеваю нажать на кнопку, телефон вибрирует – приходит сообщение от старой подруги. Откладываю телефон и решаю, что сегодня ночью точно не буду начинать новые знакомства.

Закрываю приложение и выключаю свет.

“Может, завтра”, – думаю, закрывая глаза. Но сон все не идет, а в голове крутятся мысли о том, что, возможно, я просто не готова к новым отношениям. Не готова снова открыть свое сердце.

Я уснула, не переставая думать о нём. И мне приснился сон...

Мы так и не добрались до его квартиры. В лифте он прижал меня к стене – холодный металл впивался в кожу, а его руки, привыкшие к точным движениям в мастерской, теперь срывали с меня платье. Пуговицы звякали об пол, как рассыпавшиеся гвозди.

«Ты знаешь, сколько стежков нужно, чтобы пришить подошву?» – его зубы скользнули по моей ключице.

«Двадцать семь. Но чтобы снять это...» — ремень со звонком упал на пол.

Во сне не было стыда — только его ладони, изучающие мое тело, как будто искали скрытые дефекты.

«Здесь...» — палец провел по шраму на бедре от детской аварии.

«И здесь...» — губы обожги внутреннюю сторону колена. — «Везде идеальные линии.»

Когда он опустил передо мной на колени, я вцепилась в его волосы — они пахли кожей и дождем.

«Мастер должен проверить каждую деталь,» — прошептал он, прежде чем его язык коснулся меня. Лифт гудел и подрагивал, но ничто не могло остановить этот ремонт.

Я открыла глаза, ещё чувствуя на губах его имя. Простыня прилипла к телу, за окном царила предрассветная темнота. Кот Ричард, сидя на подоконнике, удивлённо наблюдал за мной.

Черт.

Это.

Был.

Сон.

Я проснулась с предчувствием — сегодня должно было случиться что-то важное. Солнце светило ярче обычного, а птицы за окном щебетали так, словно делились секретом, недоступным мне.

В кафе было непривычно тихо для утреннего времени.

Дядя Джон, протирая стаканы, улыбнулся мне:

– Вижу, ты сегодня в хорошем настроении. Предстоящая свадьба подруги так влияет?

– Да, и не только, – ответила я, вспоминая мастерскую и сон.

Телефон зазвонил ровно в полдень. На экране высветился незнакомый номер.

– Это мастерская. Туфли готовы, можете забрать, – знакомый голос заставил моё сердце биться чаще.

– Спасибо. Я подойду через час, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Отпросившись с работы, я направилась за своими туфельками, чувствуя, как сердце колотится в груди. Каждый шаг давался с трудом – не доходя пары метров до мастерской, я остановилась перевести дух.

Почему я веду себя как школьница? Ведь вокруг меня всегда крутились красивые, успешные мужчины, но что-то в этом простом сапожнике притягивало меня словно магнит.

“Не придумывай себе ничего лишнего, – твердила я себе. – Заберешь туфли и разойдешься. Большие вы не встретитесь.”

Собравшись с духом, я подошла к окошку, за которым он выдавал отремонтированную обувь. Пока он доставал туфли с полки, я невольно залюбовалась – они выглядели даже лучше, чем прежде.

Небольшая мастерская оказалась настоящим островком

уюта. Слева возвышался массивный станок для шлифовки каблуков, посередине стояла швейная машинка для ремонта обуви, а справа располагался аккуратный шкаф с открытыми полками, уставленными инструментами. На стенах были закреплены полки с обувью – на одних лежали только что поступившие заказы, на других – уже готовые работы. Каждая деталь здесь была продумана до мелочей, создавая ощущение домашнего тепла.

Глубокий, обволакивающий голос мастера внезапно вырвал меня из пучины размышлений.

– Вот, прошу, проверяйте работу, – произнёс он с едва заметной улыбкой, от которой его глаза засияли особенным светом.

Когда я увидела результат, мои глаза невольно расширились от изумления. Эти туфли словно ожили, заиграли новыми красками.

– Они... они просто великолепны! – прошептала я, ощущая, как предательский румянец заливает щеки.

Мастер, удовлетворённо поправляя очки, ответил:

– Я приложил все усилия, чтобы эта вещь служила вам долгие годы. Знаете, каждая пара обуви для меня – как живой организм. У неё есть душа, характер, история.

– Позвольте задать несколько вопросов? – осмелилась я, чувствуя, как учащённо бьётся сердце. – У вас здесь царит такая уютная атмосфера. Это всё ваше творение?

– О, это целиком заслуга моего отца, – скромно ответил

он, но в его голосе проскользнула нежность. – Я лишь продолжаю семейное дело, стараюсь сохранить традиции.

Мы начали беседу. Он рассказывал о секретах своего ремесла – как подбирает материалы, как находит идеальные каблуки. Но больше всего меня завораживал не смысл его слов, а то, как загорались его глаза, когда он говорил о деле своей жизни.

– Вы так увлечены своим делом, – заметила я, не сводя с него взгляда.

– Когда любишь то, чем занимаешься, это видно в каждой детали, – ответил он, и наши взгляды встретились.

В мастерской повисла особенная тишина, наполненная невысказанными словами и искрами, которые, казалось, летали в воздухе между нами.

– Благодарю вас ещё раз. Желаю вам доброго дня, – произнесла я, чувствуя, что пора уходить, но не желая этого.

– И вам всего доброго, очаровательная леди, – прозвучало мне вслед, и я ощутила, как тепло его слов согревает спину.

Улыбнувшись, чувствуя, как тепло разливается по телу, и поспешила вернуться на работу.

В кофейне былолюдно – новенькие сотрудники с трудом справлялись с потоком посетителей. Я встала за кассу, пробивая заказы, пока они готовили кофе и подавали десерты. Казалось, совсем недавно мы с Кристиной были такими же неуклюжими и неопытными.

К концу дня я написала Кристи – мы договорились пойти

подбирать платье для её регистрации. С учётом её положения о приталенных фасонах не могло быть и речи – животик уже начал округляться.

Интересно, как проходит её беременность?

Был ли токсикоз?

Появились ли странные вкусовые предпочтения?

Столько всего хотелось обсудить! Казалось, только вчера мы вместе начинали работать здесь, и даже мысли не было ни о каких отношениях, а уж тем более о скорой беременности.

Я невольно улыбнулась, представляя, как всё быстро меняется в жизни, и как важно ценить каждый момент.

После работы мы с Кристиной встретились в центре города. Она выглядела сияющей – беременность явно шла ей на пользу. Мы зашли в первый салон, где я сразу заметила несколько красивых платьев свободного кроя.

– Вот это, – я указала на нежно-голубое платье с летящей юбкой, – будет отлично смотреться на тебе.

Кристина примерила платье, и оно действительно село идеально. Когда она вышла из примерочной, я не могла сдержать восхищенного вздоха:

– Ты выглядишь как настоящая принцесса!

– Правда? – она смущенно улыбнулась, поправляя складки на животе. – Я так переживала из-за фигуры...

– Не стоит, – я обняла подругу. – Ты прекрасна.

Мы провели в салоне несколько часов, выбирая платье и

аксессуары.

В перерывах между примерками Кристина рассказывала о своем самочувствии:

– Знаешь, токсикоза почти не было. А вот от соленых огурцов меня до сих пор тянет. Даже ночью просыпаюсь и иду на кухню.

– Главное, чтобы тебе было хорошо, – улыбнулась я. – Кстати, как там твой Виктор?

– Он такой заботливый! – глаза подруги засветились. – Постоянно спрашивает, что мне привезти, помогает по дому.

В итоге мы выбрали потрясающее платье цвета слоновой кости с изящным поясом, который подчеркивал округлившийся животик Кристины. Подруга сияла от счастья, крутясь перед зеркалом.

– Ну как, я похожа на беременную русалку? – смеялась она, поглаживая шелковистые складки ткани.

– Больше на греческую богиню, – ответила я, поправляя на ней пояс.

Когда мы вышли из салона, вечерний город встретил нас промозглым ветром. Поцеловав подружку в щечку направилась в сторону дома. Поспешно застегнула пальто, как вдруг каблук моих новых туфель коварно застрял в щели между плитками.

– Ой!

Резкая боль пронзила лодыжку, когда я нелепо заковыляла, пытаясь удержать равновесие. Сумка выскользнула из

рук, рассыпая содержимое по тротуару.

– Черт возьми! – сквозь зубы выругалась я, чувствуя, как предательские слезы подступают к глазам.

И тут из темноты метнулась тень.

– Терпеть не могу эти городские плитки, – раздался над ухом низкий голос.

Прежде чем я успела опомниться, крепкие руки уже подхватили меня под локти. В нос ударил терпкий запах кожи и древесного лака – тот самый, что витал в его мастерской.

– Привет... – растерянно выдохнула я, чувствуя, как сердце бешено колотится.

Он присел на корточки, бережно взяв мою ногу в руки. Его пальцы, грубые от работы, неожиданно нежно ощупали щиколотку.

– Не перелом, – заключил он, – но растяжение наверняка.

Я закусила губу, наблюдая, как он собственноручно застегивает ремешок на моем каблуке, который теперь болтался как пьяный матрос после шторма.

– Спасибо, – пробормотала я, чувствуя, как жар разливается по щекам.

Он поднял голову, и в свете уличного фонаря я смотрела на его глаза – карие, с золотистыми искорками, как осенние листья в луже.

МАРК

Знаете, я никогда не верил в судьбу. Всегда считал, что жизнь – это череда случайностей и собственных решений. Но этот вечер заставил меня задуматься...

Как раз вышел из мастерской, закуривая сигарету, когда я увидел, как она падает, время словно замедлилось. Её испуганный вскрик, рассыпающиеся по тротуару вещи, нелепо болтающийся каблук – всё это отпечаталось в памяти с кристальной чёткостью. И прежде чем я успел осознать, что делаю, мои руки уже подхватили её.

Её кожа оказалась такой нежной, а волосы – с лёгким ароматом полевых цветов. Я почувствовал, как учащённо забилось сердце, когда наши взгляды встретились. В свете фонаря её глаза казались бездонными, а щёки пылали румянцем.

– Привет... – прошептала она.

Я помог ей подняться, чувствуя, как её дыхание касается моей шеи. Её нога оказалась такой хрупкой в моих мозолистых руках... И в этот момент я понял, что не смогу просто уйти.

– Давайте я помогу вам добраться до дома, – предложил я, сам удивляясь своей решительности.

Мы шли медленно, и каждый шаг давался ей с трудом. Её рука лежала на моём предплечье, и я чувствовал, как подрагивают её пальцы.

А я...

Я не мог отвести взгляд от её лица, от того, как она закусывает губу от боли, от того, как её волосы колышутся при каждом движении.

Когда мы добрались до её подъезда, я осторожно обнял её за талию, чувствуя, как она опирается на моё плечо, пока мы медленно поднимались по ступеням. Её дыхание было чуть учащённым от боли, но она упрямо сжимала губы, не желая жаловаться.

Ключ щёлкнул в замке, и дверь открылась, впуская нас в уютную квартиру. В прихожей пахло лавандой и свежей выпечкой – будто она специально готовилась к чьему-то приходу. На стене висели фотографии: она на фоне моря, смеющаяся, с ветром в светлых волосах.

– Давай сюда, – я помог ей пройти в гостиную, где стоял широкий диван в сером чехле, утопающий в десятках подушек. Осторожно усадил её, подложив под ногу одну из них.

– Есть лёд? – спросил я, оглядываясь в поисках кухни.

– В морозилке, – кивнула она. – Но ты не обязан...

Я уже шёл к холодильнику, отмечая про себя аккуратно расставленные кружки на полках, банку с печеньем и небольшую вазу с полевыми цветами. Всё здесь дышало её присутствием – тёплым и чуть небрежным, как будто она не старалась казаться идеальной, а просто жила.

Достал лёд, завернул в полотенце и вернулся к ней.

– Держи, – протянул компресс, и наши пальцы ненадолго

соприкоснулись. Она улыбнулась, и я задержал взгляд на её глазах – таких светлых, что в них, казалось, отражалось всё небо.

– Спасибо ещё раз, – сказала она, и в её голосе я услышал что-то большее, чем просто благодарность.

– Если понадобится помощь с ногой – обращайтесь, – произнёс я, хотя прекрасно понимал, что причина моего предложения кроется вовсе не в её растянутой лодыжке.

– До встречи, – ответила она, и эти два слова эхом отозвались в моей груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.